

ЗАДАЧИ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ УПРАВЛЯЕМОСТИ* (середина 1960–х — конец 80–х гг.)

Анатолий Евгеньевич САВЧЕНКО,
младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: Savich21@mail.ru

В статье проводится факторный анализ дальневосточной региональной политики Центра. Динамика и качество развития Дальнего Востока в 1960—1980-е гг. рассматриваются как результат взаимодействия природных, гео- и внутриполитических факторов.

Ключевые слова: Дальний Восток, региональная политика, Центр, регион, региональное развитие.

The regional policy of Center in the Far East (the middle 1960s — The end 80-s): tasks of development and problems of political government

A. E. Savchenko, a junior researcher of Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

The article contains a factor analysis of the Far Eastern regional policy of the Center. The dynamic and quality of development of the Far East in 1960—80-s considered as the result of interaction nature, geopolitical and internal political factors.

Key words: Far East, regional policy, Center, region, regional development.

Понимание «региональной политики» колеблется между двумя крайними полюсами, на одном из которых она рассматривается как управление региональным развитием, на другом — как регулирование отношений между властями Центра и регионов [2, с. 189; 14, с. 9; 19; 26, с. 20; 28, с. 81—82]. Эта двойственность отражает её изменчивость во временной динамике, в которой первая и вторая цель попеременно выходит на первый план. Их сочетание в каждый исторический период зависит от ряда причин, которые можно условно разделить на две группы:

- внешние (внешнесистемные) факторы по отношению к системе государственного управления — действия обусловлены объективными природно-географическими и геополитическими условиями;
- внутренние (внутрисистемные) — действия определяются основными принципами функционирования государства, особенностями кон-

* Работа выполнена при поддержке гранта ДВО РАН «Стратегия обеспечения социально-политической безопасности на Дальнем Востоке России во второй половине XX в.». Проект 09-III-A-11-550.

кретной политической системы и происходящей из их сочетания логикой взаимоотношений Центра и регионов.

В реальности обе группы факторов действуют взаимосвязанно, но первые больше связаны с задачами развития, а вторые ещё и актуализируют задачи политической управляемости.

В обозначенный период в дальневосточной региональной политике просматриваются три основных внешнесистемных фактора: геополитическая уязвимость, большой ресурсный потенциал/слабая освоенность, экономическая перспективность Дальнего Востока*.

1. Геополитическая уязвимость. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) во второй половине XX в. отмечен повышенным уровнем конфликтности. Дальний Восток обоснованно признаётся современными историками вторым геополитическим флангом стратегической обороны Советского Союза [3, с. 149—150]. Здесь границы страны не получили полного международного признания — на часть советской территории претендовали Япония и Китай. О том, что советское руководство придавало важное значение геополитической роли Дальнего Востока, свидетельствует мощь Тихоокеанского флота, в середине 1980-х гг. самого крупного флота в СССР [5, с. 177].

Геополитический фактор одновременно стимулировал и искажал развитие Дальнего Востока. Во многом он определял политику интенсивного заселения южной части региона, быстрый рост его инфраструктурного и промышленного потенциала. Но высокий уровень военных угроз был причиной гипертрофированной (даже по советским меркам) милитаризации этого развития. Военная промышленность стала одной из ключевых специализаций Дальнего Востока в общесоюзном разделении труда [18, с. 173].

2. Ресурсный потенциал и слабая освоенность территории. Дальний Восток выделялся не только богатством природных ресурсов (лес, рыба, уголь, металлы, нефть, газ), но, прежде всего, их слабой освоенностью и ещё более слабым развитием их переработки. Это приобретало особое значение для СССР, экономическое развитие которого всё сильнее зависело от вовлечения всё большего объёма материальных ресурсов в экономику (экстенсивное расширение масштабов производства) и экспорта сырья за рубеж. В конце 1960-х — в 1970-е гг., т.е. в период стремительного превращения страны в одного из крупнейших мировых экспортёров сырья, освоение Дальнего Востока и Восточной Сибири становится важнейшим направлением в социально-экономической политике КПСС [7, с. 395]. Например, Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 8 июля 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил дальневосточного экономического района и Читинской области» принималось в первую очередь «...в целях *быстрейшего вовлечения в хозяйственный оборот природных богатств*» этих территорий [23, с. 473]. Эти же соображения лежали и в принятой почти 20 лет спустя «Долговременной государственной программе комплексного развития производительных сил

* Подобный перечень факторов, влияющих на безопасность российского Дальнего Востока, отмечал академик А.И. Крушанов.

Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года (ДГП) [13, 22].

Но осваивать ресурсы Дальнего Востока означало преодолевать две фундаментальные проблемы — инфраструктурную и демографическую. Освоение региона могло развиваться преимущественно комплексно, становясь локомотивом инфраструктурного, социально-бытового и культурного строительства. Примером такого освоения служит достройка Байкало-Амурской магистрали (БАМ). Строившаяся с разной интенсивностью с 1930-х гг., она стала одним из важнейших приоритетов Центра в региональном развитии с 1974 г., когда было принято специальное постановление ЦК КПСС. Эта стройка оценивается некоторыми зарубежными историками как самый грандиозный по своим затратам проект из всех реализованных для развития Дальнего Востока [1, с. 6].

Вместе с тем регион не только давал государству ценные лес, металлы, рыбу и др., но и оттягивал на себя значительные ресурсы. В начале 1970-х гг. затраты по заработной плате здесь были в 1,5—1,8 раза выше, чем в районах Европейской России, коэффициент удорожания строительства составлял от 1,3 — до 3, не говоря уже о расходах на транспортировку различных сырьевых и промышленных товаров как из региона на запад СССР, так и в обратном направлении [10, с. 17—18]. Таким образом, Дальний Восток выступал одновременно и резервом, и бременем для государства, усиливая напряжение в социально-экономической системе страны.

Задачи обеспечения геополитической безопасности и ресурсного освоения, совпадая с необходимостью привлечения и закрепления населения на Дальнем Востоке, были определяющими в его развитии. Государство вкладывало в регион большие деньги — уровень централизованных инвестиций в 1970—80-е гг. (5% от общего объёма по СССР) лишь немного уступал показателю периода индустриализации 1930-х гг. [18, с. 187]. За 15 лет (1966—1980) капитальные вложения в Дальний Восток составили 65 млрд. 278 млн. руб. (для сравнения — в Восточную и Западную Сибирь соответственно — 73 млрд. 431 млн. и 109 млрд. 10 млн. руб.) [12, с. 88].

3. Экономическая и политическая перспективность. Фактор перспективности Дальнего Востока как оплота экономической мощи и форпоста политического и идеологического влияния Советского Союза в АТР находился в поле внимания учёных (прежде всего экономистов и географов) и влиял на региональную политику Центра с начала 1960-х гг. Он подталкивал к всестороннему развитию региона, чтобы продемонстрировать «пример успешного коммунистического строительства для других стран» [17, с. 17].

На заре 1960-х гг. в условиях относительно мирной обстановки в АТР советские экономисты увидели возможность превращения Дальнего Востока в «крупный валютный цех страны» и его «новую роль в деле проводимой СССР политики мирного сосуществования» [17, с. 14—15]. Планировалось развивать экспорт сырья (в бедную ресурсами Японию, вторую промышленную державу капитализма) и промышленных товаров (преимущественно в азиатские страны «третьего мира»), а также укреплять транспортно-транзитную функцию. Эти задачи не выходили за пределы

стратегии сырьевого освоения, поэтому важно отметить, что технократические цели дополнялись символическими. Советское руководство почитало важным и возможным построить в этом самом периферийном районе страны город «красивее и благоустроеннее, чем Сан-Франциско» [4, с. 86—87]. Решение было принято на высоком уровне — постановлением ЦК КПСС 1960 г. «О развитии города Владивостока». В соответствии с ним предстояло за 6 лет построить город, равный существовавшему, выросшему за 100 лет. При этом речь шла «...не о простом увеличении размеров города, а о переводе его в высший класс городов» [6, с. 7]. Историк И. В. Безик говорит о предполагаемой роли Владивостока как «витрины социализма» [4, с. 89]. Однако начавшийся в 1961—1962 гг. новый виток противостояния с США, военные столкновения с КНР в районе о-ва Даманского в 1969 г. отодвинули фактор политико-экономической перспективности Дальнего Востока на задний план, сузили его содержание до исключительно технократических целей.

Очередной всплеск интереса к развитию региона совпал с периодом «разрядки» международных отношений в 1970-х гг. На этот раз географы обратили внимание на уникальное экономико-географическое положение Дальнего Востока, где «...как в никаком другом географическом регионе мира соприкасаются могущественные государства» с различными уровнями экономического развития и ресурсного потенциала [16, с. 5]. Основные выдвинутые в то время идеи — изменить направление освоения восточных районов (идти не с Западной Сибири на Восток, а наоборот), сформировать на тихоокеанском побережье мощный экономический плацдарм для движения на Запад, ориентировать экономику Дальнего Востока на экспорт, причём не только ресурсов, но и путём создания предприятий для переработки импортного сырья с последующим экспортом продукции, формирование мощной транспортной инфраструктуры для международного транзита с созданием предприятий по облагораживанию как экспортного, так и импортного сырья — всё это, естественно, подразумевало большую экономическую открытость региона капиталистическим странам. Тогда уже речь шла о «нашем всём» дня сегодняшнего — прокладке трубопроводного транспорта для экспорта нефти и газа в страны АТР [16]. Нетрудно увидеть, что перспективы Дальнего Востока и сегодня основываются на идеях полувековой давности, что говорит не только об их долговременной актуальности, но и о низком потенциале государства для их реализации (то, что делаем сегодня, следовало сделать несколько десятилетий назад). Реализация этих планов не удалась во многом в силу первых двух рассмотренных факторов: напряжённая геополитическая ситуация и нарастающие внутренние проблемы страны опять выдвинули на первый план военно-стратегические соображения и задачи освоения природных ресурсов.

Последний всплеск внимания к политико-экономической перспективности Дальнего Востока приходится на вторую половину 1980-х гг., что опять же было связано с новым внешнеполитическим курсом СССР и планами по модернизации советской экономики. Но теперь эта перспективность осмысливалась во многом «с обратным знаком»: если в 1960-е гг. развитие Дальнего Востока должно было, кроме всего прочего, служить

примером эффективности социалистического выбора для тихоокеанских государств, то этот момент был упущен, и уже само советское руководство ожидало помощи от этих стран для развития региона. Об этом свидетельствует и речь генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва (за него её зачитал академик Е.М. Примаков), обращённая к участникам международной встречи «Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог, мир, сотрудничество», проходившей во Владивостоке в сентябре 1988 г. Генеральный секретарь обозначил «стратегическую цель» страны на Дальнем Востоке: «рост производительных сил», который виделся как «общенациональная задача», и постановка эффективных внешнеэкономических связей Дальнего Востока на службу «...социального и индустриального развития в этой части Советского Союза» [ГАПК. Ф. 68. Оп. 117. Д. 739. Л. 252].

Несмотря на то что с конца 1980-х гг. геополитическая ситуация в АТР оставалась в целом благоприятной для СССР, Дальний Восток и в этот период не реализовал свои политические и экономические перспективы, но уже больше в силу внутрисистемных факторов. Оценивая этот третий внешнесистемный фактор, нельзя не сказать, что он не только интенсифицировал освоение Дальнего Востока в 1960—1980-х гг., но и положительно влиял на его качество, уравновешивая военно-сырьевой уклон экономического развития. Но его влияние на развитие региона было ограниченным, неустойчивым и обратнопропорциональным уровню геополитической напряжённости. Если внешнесистемные факторы были во многом объективными, не зависящими от социального строя и политического режима, то внутрисистемные происходили непосредственно из сложившейся ситуации властных отношений и характера взаимодействия власти и общества.

В период (середина 1960-х — конец 1980-х гг.) можно выделить два основных внутрисистемных фактора региональной политики:

- негласное соглашение между центральным и региональным руководством: Центр гарантировал региональным правителям карьерную стабильность в обмен на их лояльность («брежневский консенсус»). Это был «региональный аспект» общего консенсуса элиты, призванного обеспечить уверенность и спокойствие управленческим кадрам, измотанным сталинскими чистками и хрущёвскими реформами [8, с. 139; 9, с. 329; 11, с. 180];
- взаимозависимость центральной и региональной власти в деле мобилизации ресурсов общества.

«**Брежневский консенсус**» демонстрирует яркий пример того, как стремление к обеспечению политической управляемости может привести к противоположному результату. Негативное действие данного фактора — в карьерной стабильности большей части управленческой элиты: если и допускалась динамика, то восходящая или по крайней мере горизонтальная. Так создавалась «сеть доверия» [27, с. 102—106], состоящая из членов бюрократии, призванная обеспечивать взаимную лояльность и исключать появление внутрисистемных оппонентов правящей верхушке. Она охватывала и региональный сегмент элиты, влияя на взаимоотношения Центра и регионов.

Регионы в обмен на «заботу» Центра, выражавшуюся в различных решениях, постановлениях и программах развития той или иной территории, о которых публично объявлялось на высшем уровне власти и под которые выделялись материальные ресурсы, должны были оправдывать это доверие — выполнять и перевыполнять плановые задания. Такая система была призвана обеспечивать управляемость и бурное развитие, так как ни Центр, ни регионы не были заинтересованы подводить друг друга. Но у этой системы выявились побочные эффекты — развитие событий в ином направлении. Неизбежным результатом «брежневского консенсуса» был кадровый застой, так как число статусных карьерных позиций всегда ограничено. Это подтверждается политическим долголетием дальневосточных первых секретарей. Например, А.К. Чёрный занимал высокие ответственные посты в Хабаровском крае 29 лет (1969—1988), С.С. Авраменко возглавлял Амурскую область 21 год (1964—1985), В.П. Ломакин в Приморье — 15 лет (1969—1984), по 15 лет были руководителями Камчатской области М.А. Орлов (1956—1971) и Д.И. Качин (1971—1986). Немногим более динамичной была ротация первых секретарей Сахалинской и Магаданской областей [7, с. 464—466]. Кадровый застой в верхних эшелонах власти замедлил движение по всей вертикали управления. Длина карьеры до занятия первой номенклатурной должности неуклонно возрастала, увеличившись с 9 лет в 1954—1961 гг. до 23 лет в 1985—1988 гг. [15, с. 97]. При этом не менее важно, что приток «специалистов» на номенклатурные должности, возраставший до начала 1970-х гг., начал заметно падать с 31% от общего числа в 1969—1973 гг. до 17% в 1985—1988 гг., уступив выходцам из «партхозактива». И если в середине 1950-х — начале 1960-х гг. среди тех, кто впервые занял номенклатурную должность, ещё преобладали специалисты (26% к 23%), то в 1985—1988 гг. — 17% к 57% в пользу «партхозактива» [15, с. 98]. Это означает, что происходило замыкание в себе двух важнейших групп — партийных управленцев и специалистов. Не только хозяйственники теряли перспективу входа в политическую власть, но и «политики» становились всё менее компетентными в хозяйственной жизни, так как экономика и общество развивались и усложнялись.

Между политическим и хозяйственным сегментом бюрократии углублялся раскол, подчас принимавший форму их срачивания, каждая из этих групп, часто покрывая друг друга перед высшим политическим руководством, преследовала свои узкогрупповые интересы. Так называемая «ведомственность», поразившая экономику всей страны и искажавшая развитие Дальнего Востока, во многом явилась следствием этого раскола. Расколотой оказалась и сама политическая ветвь КПСС между партийным аппаратом и первичными организациями, члены которых при отсутствии перспектив политической карьеры и действенных рычагов влияния на верхи предпочитали уходить от партийного контроля, а не обеспечивать его на местах*. Интересы рядовых партийцев и хозяйственных руководителей совпадали в стремлении получать всё больше ресурсов при всё меньших плановых заданиях, а сам партийный аппарат без опоры на

* Ограниченный объём статьи не позволяет привести массу примеров, содержащихся в архивных источниках.

ключевые группы общества как бы «повисал в воздухе». Управленческие провалы и следовавшие за ними экономические проблемы объяснялись «объективными» причинами. Это проявилось и при вояже Л.И. Брежнева по Дальнему Востоку в 1978 г., когда виноватыми в местных проблемах признавались и Центр, и регионы (все вместе, но никто конкретно), и всё закончилось принятием крайне обтекаемого постановления, суть которого заключалась в выделении ресурсов центральными ведомствами в обмен на организаторскую работу на местах [21, с. 31—34, 53; 24, с. 251—253].

Результаты этих побочных эффектов не замедлили сказаться. Несмотря на то что государственные вложения в Дальний Восток росли (в 1965—1970-х гг. — 14 млрд. 758 млн. руб., в 1971—1975 гг. — 21 млрд. 456 млн. руб., в 1976—1980 гг. — 29 млрд. 64 млн. руб.), шло постоянное снижение темпов роста промышленного производства при облегчающихся от пятилетки к пятилетке плановых заданиях [7, с. 155]. Так, в восьмой пятилетке фактическое увеличение объёма производства составило 48% при плане 69%, в девятой — 40% против 51%, в десятой уже 19% против 30%, а в 11 пятилетке 18% против 22,9% по плану [ГАХК. Ф. 35. Оп. 113. Д. 150. Л. 108]. С 1965 г. на Дальнем Востоке не выполнялся ни один пятилетний план [18, с. 187—188]. При опережающем (сравнительно со страной) росте фондовооружённости рост производительности труда отставал, а доля этого интенсивно осваиваемого региона в экономике страны снижалась. Дальний Восток поглощал всё больше ресурсов при всё меньшей эффективности их использования и был ещё одним индикатором тревожной тенденции расхождения заявленных государственных целей с реальностью.

Фактор «брежневского консенсуса» обеспечивал управляемость политическим сегментом бюрократии и сглаживал противоречия между остальными, подрывал управляемость всем обществом. Согласие между центральным и региональным уровнями бюрократии основывалось на выделении регионам всё больших централизованных ресурсов, которые осваивались с невысоким уровнем эффективности. В итоге подорвалась сама способность Центра выделять ресурсы и главный источник поддержания управляемости оказался исчерпанным. Поэтому «капиталоёмкий» Дальний Восток оказался высасывающим ресурсы Центра.

Взаимозависимость Центра и регионов мобилизации ресурсов общества. Звенья советской вертикали управления, скованные партийной дисциплиной и монополией Центра на распоряжение ресурсами, походили на «цепь», которая, как известно, не может быть крепче самого слабого её звена. Это основывается на очевидном факте, что государственный управленческий аппарат (как центральный, так и региональный) не производил никаких материальных ресурсов, а лишь мобилизовал и перераспределял ресурсы общества. И в этом процессе ключевая роль принадлежит региональному руководству, которое своей организаторской работой, а также дополнительно используя централизованные ресурсы (Центр может перераспределить в пользу того или иного региона под конкретные цели), мобилизует ресурсы общества и направляет в распоряжение Центра для дальнейшего перераспределения.

Самое важное следствие из данной схемы состоит в том, что количество ресурсов Центра зависит от того, насколько эффективно ведётся «организаторская работа» на региональном уровне, которая подразумевает непосредственные контакты с директорами предприятий, первичными партийными организациями, трудовыми коллективами, т.е. предполагает глубокое проникновение государства в общество. Отсюда вывод: если регион не справляется с задачей мобилизации ресурсов, то у Центра возникают проблемы с их перераспределением, а значит, и с ведением региональной политики, т.е. с выполнением всех программ, решений и постановлений, касающихся регионального развития. В результате падает авторитет Центра, сокращаются его символические и материальные ресурсы.

Наращение этих проблем подрывает политическую управляемость. При возникающих трудностях с мобилизацией ресурсов обе стороны могут предъявить претензии друг к другу: Центр обвинить региональное руководство в том, что оно неэффективно использует созданный в регионе потенциал, на что оно может ответить претензией в недостаточной комплексности развития региона, сослаться на недоучёт региональной специфики и др. Данная тенденция отчётливо проявилась в период реализации ДГП (вывод сделан на основе анализа архивных источников) [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 241. Л. 2—4, 9, 22, 34, 108. Д. 354. Л. 4—78; Д. 1. Л. 35; ГАХК. Ф. 35. Оп. 117. Д. 168. Л. 11, 25, 27, 93, 97].

Опасность этого конфликта направляла региональную политику в сторону обеспечения управляемости в ущерб развитию. Центральная власть даже при очевидном невыполнении регионами плановых заданий не решалась предпринимать решительных мер, погружая проблемы в бесконечные согласования. В связи с этим, стоит упомянуть о внешнем источнике материальных ресурсов государства, ослабляющем взаимозависимость Центра и регионов. Это экспорт сырья. Влияние внешнего источника ресурсов приводит к тому, что падение эффективности организаторской работы регионального уровня, т.е. ослабление влияния государства на общество и, как следствие, оскудение потока ресурсов к Центру, некоторое время может компенсироваться экспортными доходами казны. Это происходило в 1970-х — начале 1980-х гг. Но если этот источник сокращается или Центру требуется значительное увеличение ресурсов (например модернизационный рывок второй половины 1980-х гг.), может оказаться, что способности государства мобилизовать ресурсы общества атрофировались. В этом случае политическая управляемость грозит стремительным падением, вызывая катастрофические последствия для государства, что и произошло в начале 1990-х гг.

Действие фактора взаимозависимости на дальневосточную региональную политику было переменчивым: во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг. оно подтолкнуло к попыткам форсированного развития региона на фоне «брежневского консенсуса», что привело к расцвету «торга» во взаимоотношениях Центра и региона. Следующая попытка экономического ускорения (1986—1990 гг.) уже при разрыве указанного консенсуса и массовой замене партийных управленческих кадров привела к быстрому переходу от торга к борьбе [25].

Порождающий механизм этих двух «волн» развития и усиления торгового/конфликта Центра и регионов в дальневосточной региональной политике можно проследить. Снижающаяся эффективность организаторской работы регионального уровня, как правило, объясняемая местным руководством объективными факторами, приводила к сокращению ресурсов Центра, который пытался преодолеть эту тенденцию путём вовлечения в экономику новых ресурсов и расширения масштабов хозяйственной деятельности. Так появлялись масштабные проекты освоения всё новых территорий и ресурсов. Но падающая эффективность организаторской работы сказывалась и в этих попытках: во-первых, для реализации масштабных проектов требуются дополнительные ресурсы, которые опять же надо брать с регионов, что порождает взаимные претензии; во-вторых, создаваемый экономический потенциал не обеспечивает отдачи, на которую рассчитывает Центр, что также порождает взаимные претензии, которые в очередной раз объясняются властью объективными причинами и вызывают к жизни новые масштабные проекты...

Подобная ситуация ещё могла продолжаться, когда СССР получал солидные доходы от экспорта нефти. Но финансовое благополучие закончилось, и единственным источником средств для реализации больших проектов (например ДГП) стала мобилизация ресурсов общества, провал которой в конце 1980-х гг. привёл к резкому росту противоречий Центра и регионов [25].

Таким образом, действие фактора взаимозависимости на региональную дальневосточную политику было многогранно: оно порождало стремление к сохранению политической управляемости и одновременно стимулировало попытки развития региона, которые в итоге подрывали эту управляемость.

Факторный анализ региональной дальневосточной политики Центра позволяет сделать выводы.

Внешнесистемные факторы порождали мощный запрос на развитие Дальнего Востока, в то время как внутрисистемные, хотя и стимулировали развитие региона, но заставляли высшее руководство страны сосредоточиться на обеспечении политической стабильности, смирившись с падающей эффективностью государственного управления.

Региональная дальневосточная политика была нацелена на осуществление масштабных проектов развития в условиях утраты государством способности к эффективной реализации своих решений. Это во многом объясняет факт, что при осознании необходимости комплексного и гармоничного развития Дальнего Востока в 1960-х гг., и при неуклонно возрастающих вложениях в регион цель не была достигнута.

Реализация социально-экономических проблем Дальнего Востока требовала нестандартных управленческих, экономических и политических решений. Однако поиск таких решений был заблокирован военной угрозой и внутрисистемными факторами: опасением подорвать политическую стабильность и сокращающимися ресурсами государства. Поэтому в рассматриваемый период развитие Дальнего Востока пошло по «консервативному» пути, подчиняясь военно-стратегическим соображениям и задачам ресурсного освоения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамова Н. В. «Чуда» не произошло: Итоги экономического развития Дальнего Востока России (1965—1985 гг.). Оценка зарубежных авторов // Россия и АТР. Владивосток, 1997. № 1. С. 5—15.
2. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.
3. Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI—XX вв. Москва: Наука, 2004. 600 с.
4. Безик И. В. Приморье: времена «оттепели» (1953—1964 гг.). Книга первая. Владивосток, 2007. 189 с.
5. Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане: История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945—1995). М.: Конверт — МОНФ, 1997. 352 с.
6. Васильев Е. А., Поликанов В. А. Проблемы Большого Владивостока. Владивосток, 1961.
7. Вашук А. С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (1945 г. — конец 80-х годов): дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 1998. 463 с.
8. Вашук А. С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (середина 40—80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. 212 с.
9. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: Интеллект, 1998. 416 с.
10. Гладышев А. Н., Куликов А. В., Шапалин Б. Ф. Проблемы развития и размещения производительных сил Дальнего Востока. М.: Мысль, 1974. 214 с.
11. Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. В 2-х кн. Кн. 1. М.: Новости, 1995. 600 с.
12. Деревянко А. П. Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1974—1984 гг.): Ист. опыт: дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 1984.
13. Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года. URL: <http://www.worklib.ru/laws/ussr/10005538/php> (дата обращения: 31.03.2010).
14. Кинько Д. В. Региональная политика постсоветской России: содержание и тенденции развития: дис. ... канд. полит. наук. М., 2006.
15. Косова Л. Б. Нереализованные возможности: механизмы мобильности в советском и постсоветском обществе // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 96—107.
16. Маергойз И. М. Уникальность экономико-географического положения советского Дальнего Востока и некоторые проблемы его использования в перспективе // Вестник Московского университета. Серия 3, Географические науки. 1974. № 4.
17. Марголин А. Б. Проблемы народного хозяйства Дальнего Востока. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
18. Минакир П. А. Экономика регионов: Дальний Восток. М.: ЗАО Изд-во «Экономика», 2006. 848 с.
19. Основные положения региональной политики в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/26.html>
20. Поездка Л. И. Брежнева по Сибири и Дальнему Востоку. Март-апрель 1978. Москва: Политиздат, 1978. 56 с.
21. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года». URL: <http://www.worklib.ru/laws/ussr/10005538/php> (дата обращения: 31. 03. 2010).
22. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. за 50 лет. М.: Политиздат, 1968. Т. 6. 816 с.
23. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1979. Т. 12. 766 с.
24. Савченко А. Е. Политический аспект провала стратегии развития Дальнего Востока в 1987—1991 гг. (на примере Хабаровского и Приморского краёв) // Вестн. ДВО РАН. 2009. № 5 (147). С. 125—131.
25. Теоретические проблемы региональной политики и региональное реформирование. Кн. 1. СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1994. 144 с.
26. Тилли Ч. Демократия. М.: Институт общественного проектирования, 2007. 263 с.
27. Туровский Р. Ф. Политическая регионалистика: учеб. пособие для вузов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 780 с.